

Крашенинников Андрей Евгеньевич

**ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ "DAS UNBESICHTLICHE" В ВИДЕНИЯХ К. Г. ЮНГА И
ЭКСПРЕССИОНИСТСКИХ ОБРАЗАХ**

В статье сравнивается одно из духовных переживаний К. Г. Юнга с подобными поэтическими образами, обнаруженными в творчестве поэта экспрессионистского направления Г. Трапля. Автор приходит к выводу, что за их поверхностным антиклерикализмом скрыта богоискательская направленность. Сравнительный анализ базируется на эстетической категории "das Unbesichtliche" (безобразное), которая начинает разрабатываться в немецкой литературе немецким чёрным романтизмом и приобретает новые черты в экспрессионистской поэтике.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/8-2/25.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. II. С. 91-94. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.112.2

Филологические науки

В статье сравнивается одно из духовных переживаний К. Г. Юнга с подобными поэтическими образами, обнаруженными в творчестве поэта экспрессионистского направления Г. Тракля. Автор приходит к выводу, что за их поверхностным антиклерикализмом скрыта богоискательская направленность. Сравнительный анализ базируется на эстетической категории «das Hässliche» (безобразное), которая начинает разрабатываться в немецкой литературе немецким чёрным романтизмом и приобретает новые черты в экспрессионистской поэтике.

Ключевые слова и фразы: К. Г. Юнг; Г. Тракль; поэтика; экспрессионизм; эстетическая категория; романтизм.

Крашенинников Андрей Евгеньевич, к. филол. н., доцент
Северо-Восточный государственный университет
kroschke@yandex.ru

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ «DAS HÄSSLICHE» В ВИДЕНИЯХ К. Г. ЮНГА И ЭКСПРЕССИОНИСТСКИХ ОБРАЗАХ[©]

Принято считать, что Зигмунд Фрейд (1856-1939 гг.), основатель психоанализа, оказал значительное влияние не только на психологию и медицину, но и на литературу и искусство XX века и, в частности, на экспрессионизм. Так, А. Арнольд, рассуждая о *Новом человеке* – главной объединяющей теме в экспрессионистской литературе, – отмечает: «Пять краеугольных камней сооружаемого экспрессионистами здания – Христос, Дарвин, Ницше, Маркс и Фрейд. Естественно, не все экспрессионисты признавали авторитет всех пяти без исключения, но во всяком случае каждый из них заявлял о своей духовной связи с кем-то из этих фигур» [2, с. 184].

Гораздо реже в экспрессионистском контексте упоминается Карл Густав Юнг (1875-1961 гг.) – автор аналитической психологии [20] и теории архетипов [21].

Иногда говорится о влиянии идей Юнга на отдельного экспрессиониста. К примеру, на австрийского художника и писателя Альфреда Кубина (Alfred Kubin, 1877-1959 гг.) оказали влияние не только идеи Фрейда о сновидениях и их толковании, но и учение Юнга о коллективном бессознательном и архетипах [5, с. 304]. Другой экспрессионист, швейцарский поэт и драматург Макс Пульфер (Max Pulver, 1889-1952 гг.) с 1924 года обратился к занятиям глубинной психологией в сотрудничестве с Юнгом [10, с. 467]. Однако обычно имя Юнга упоминается среди имён тех мыслителей, которые всего лишь так или иначе связаны с экспрессионизмом или втянуты в его орбиту [11, с. 398].

Такой взгляд на влияние и в определённой степени взаимовлияние между Юнгом и экспрессионистами нуждается в корректировке: эта взаимосвязь может выглядеть гораздо значительнее, если обратиться к образности и метафоричности в экспрессионистской поэтике как к инструменту «нового видения» [9, с. 157-164] и сравнить их с некоторыми размышлениями Юнга. Заметим, что на другом материале подобные исследования имеют место [7; 8].

Обратимся к воспоминаниям Юнга об одном событии, произошедшем с ним в двенадцать лет, которое серьёзным образом повлияло на его духовное становление. Однажды по дороге в колледж Юнг с восторгом засмотрелся на крышу кафедрального собора и подумал: «Мир прекрасен и церковь прекрасна, и Бог, который создал всё это, сидит далеко-далеко в голубом небе на золотом троне и...» [12, с. 46]. В этот момент он почувствовал удушье и понял, что дальше об этом думать нельзя, иначе он совершит страшный грех. Юнг в своей автобиографии на нескольких страницах описал свои мучения, связанные с непониманием, почему при представлении радостной картины с восседающим на троне Богом возникает необъяснимый страх. Юнг решил, что Богу угодно, чтобы он проявил храбрость, додумал до конца преследующую его неоконченную картину, и тогда Бог помиловал его и просветил: «Я собрал всю **свою** храбрость, как если бы вдруг решился немедленно прыгнуть в адское пламя, и дал мысли возможность появиться. Я увидел перед собой кафедральный собор, голубое небо. Бог сидит на своем золотом троне, высоко над миром – и из-под трона кусок кала падает на сверкающую новую крышу собора, пробивает ее, все рушится, стены собора разламываются на куски» [Там же, с. 50].

Для чего ему пришлось пройти через это испытание и как понимать этот неожиданный образ рушившегося храма, Юнг объяснил так: всемогущий Бог стоит над церковью и призывает людей стать такими же свободными. Но при этом Бог, испытывая человека, может заставить его отказываться от традиций, какими бы они ни были священными. Следует полностью подчиниться Богу и во всём исполнять Его Волю, в противном случае всё лишено смысла. «Именно тогда у меня возникло настоящее чувство ответственности. Мысль о том, что я должен думать, зачем Бог осквернил свой собор, была ужасна. И вместе с тем пришло неясное понимание того, что Бог способен быть чем-то ужасным. Это была страшная тайна, и чувство, что я владею ею, наложило тень на всю мою жизнь» [Там же, с. 50-51].

К. Гайар называет этот случай одним из двух событий, которые сильнее всего повлияли на становление личности Юнга [4, с. 22], и считает, что мысль о способности Бога быть чем-то ужасным подсказала подростку «его дальнейший путь: предметом его исследований стала аналитическая психология» [Там же, с. 24].

Удивительным образом метафоричность или даже аллегоричность этого видения перекликается с некоторыми образами, встреченными нами в творчестве поэта-экспрессиониста Георга Тракля (Georg Trakl, 1887-1914 гг.).

Заметим, что у Тракля, как и Юнга, довольно сложное отношение к религии. Его нельзя назвать атеистическим, но также невозможно рассматривать в рамках какой-то одной христианской конфессии. Хотя у Эльзы Ласкер-Шюлер (Else Lasker-Schüler, 1869-1945 гг.), одной из ярких лириков-экспрессионистов, в стихотворении, посвящённом Траклю, есть строка *Er war wohl Martin Luther* [22, S. 280] (*Он был Мартин Лютер*), вокруг религиозности Тракля до сих пор ведутся споры.

Об определённом круге исследователей этого вопроса О. Базиль высказался так: «...толкование наследия Тракля перешло в руки людей, объединившихся в своего рода религиозной общине, *церкви Тракля* – в этом названии не содержится и тени иронии... Кто-то помещает протестанта Тракля... в лоно католической церкви, кто-то изображает его жизнь и творчество в мистическом мерцающем свете катакомбного христианства. И тех и других объединяет стремление представить Тракля как *homo religiosus* – каковым он, несомненно, и является, или, конкретнее, как *христианского человека*» [3, с. 9-10]. Сомнения по поводу именно христианской религиозности Тракля выразил М. Хайдеггер, рассматривая поэта через призму языческой архаики [19]. С Хайдеггером не соглашается Ж. Деррида и отмечает, что аргументация М. Хайдеггера, доказывающая, что Тракль не является христианским поэтом, «принимает особенно вымученные, а подчас очень упрощённые формы» [6, с. 315]. Заслуживает внимания и взгляд С. Аверинцева на творчество Тракля в парадигме особой культурно-психологической формации *les poètes maudits (проклятые поэты)*, для которой характерно влечение к запредельному, inferальному, а также сочувствие к народной традиции набожности [1]. В этой дискуссии для нас важным является то, что религиозные, богоискательские черты метафизики поэта-экспрессиониста не подвергаются сомнению.

Обратимся к нескольким стихотворениям, в которых образность религиозных мотивов Тракля перекликается с видением Юнга.

В стихотворении «Winkel am Wald» поэт представляет читателю церковное здание одним, но мрачным штрихом: *Des Todes reine Bilder schau'n von Kirchenfenstern* (*Смерти чистые образы смотрят из церковных окон*). Это стихотворение впервые было опубликовано ещё при жизни поэта за год до начала Первой мировой войны [26, S. 32]. Другая судьба у стихотворения, название которого уже звучало некоторым вызовом обычному читателю того времени, – «Die tote Kirche» (*Мёртвая церковь*). Оно не только не было опубликовано при жизни Тракля, но впервые появилось в печатном виде многие годы спустя (по нашим данным, одна из первых публикаций состоялась в 1995 г. [16, S. 446]).

Т. Анц даёт этому стихотворению определение, которое, хотя и выглядит оксюмороном, точно передаёт конфликтность мироощущения Тракля, отражённого в этом тексте: *kirchenkritischer Kirchengesang (критикующая церковь церковная песнь)*. Среди причин, по которым стихотворение «Die tote Kirche» не попало в поэтические антологии и сборники, а также практически игнорировалось многими исследователями при анализе поэтического наследия Тракля, Т. Анц называет и такие: для одних этот текст выглядел слишком неблагоприятным, для других же – чересчур благоприятным (*Manchen ist es zu unfromm, anderen zu fromm*) [13].

Определение *kirchenkritischer Kirchengesang (критикующая церковь церковная песнь)* с небольшим уточнением, заменив *песнь* на *образ*, можно приложить и к видению Юнга. В нём, как и в стихотворении «Die tote Kirche», прочитывается укор формальному благочестию, показной набожности без глубоких раздумий и терзаний. Юнг вспоминает: «В семье моей матери было шесть священников, священником был не только мой отец, но и два его брата. Так что я наслушался разного рода богословских бесед, теологических дискуссий и проповедей. И всякий раз у меня возникало чувство: *Да, всё это так. Но как же быть с тайной? Ведь это же таинство благодати!*» [12, с. 52].

В других стихах Тракля находим нечто похожее на образ рушащегося храма от экскрементов из-под божественного трона. В стихотворении «Helian», напечатанном, как и «Winkel am Wald», в 1913 году, появляется образ печальных паломников, седых старцев: *O wie starrt von Kot und Würmern ihr Haar* [26, S. 67] (*О, все в нечистотах и червях их волосы*).

Не менее отталкивающе представлен образ ангелов в стихотворении из того же сборника со вполне религиозным жанровым названием «Psalm» (2-ая редакция):

Aus grauen Zimmern treten Engel mit kotgefleckten Flügeln.

Würmer tropfen von ihren vergilbten Lidern [Ibidem, S. 51]. /

Из серых комнат выходят ангелы с запятнанными нечистотами крыльями. Черви капаят (падают) с их пожелтевших ресниц.

Образ ангелов в нечистотах и с червями на глазах – неожиданный для жанра псалмов, традиционного для немецкой литературы, к которому обращались поэты разных эпох от мейстерзингера Ганса Сакса (Hans Sachs, 1494-1576 гг.) [24, S. 50-52] до представителя натурализма Рихарда Демеля (Richard Dehmel, 1863-1918 гг.) [15, S. 57, 64], который тоже стремился раздвинуть жанровые рамки, но всё же не до такой степени.

В 1-ой редакции стихотворения «Psalm» в описании ангелов нет такой экспрессии: *trauern Engel mit weißen zerbrochenen Flügeln* (*скорбят ангелы с белыми сломанными крыльями*). Но при этом есть черви и обращение Тракля к картине мёртвой церкви: *Die Kirchen sind verstorben, Würmer nisten sich in den Nischen ein* [25, S. 366-377] (*церкви умерли, черви гнездятся в нишах*).

Главное отличие 2-ой, окончательной редакции стихотворения «Psalm» от 1-ой заключается в последних строках, которые часто выступают у Тракля квинтэссенцией всего текста. Поэт отказывается от сентенции *Wie eitel ist alles!* (*Как тщетно всё!*), восходящей от Экклезиаста (*суета сует*) и вполне традиционной. Мотив

der Vanitas (схема) был широко распространён уже в немецкой барочной лирике [14, S. 243]. Достаточно вспомнить *Wie eitel ist was wir hoch schätzen!* (*Как суетно всё, что мы высоко ценим!*) Андреаса Грифиуса (Andreas Gryphius, 1616-1664 гг.) [18, S. 8]. Усиливая отталкивающие черты в образе ангелов, Тракл завершает стихотворение образом златоокого Бога, дающего надежду на спасение: *Schweigsam über der Schädelstätte öffnen sich Gottes goldene Augen* [26, S. 51] (*Молча над лобным местом открываются Бога золотые очи*).

Категория *das Hässliche (отвратительное)* представляется одной из основных категорий лирики немецкого экспрессионизма, которая отличает не только творчество Тракла, но и других поэтов-экспрессионистов: Георга Гейма (Georg Heym, 1887-1912 гг.), Готфрида Бенна (Gottfried Benn, 1886-1956 гг.) [17] и др. Эстетический интерес к ней М. Прац видит уже в немецком *чёрном романтизме (schwarze Romantik)*, отмечая романтическую тенденцию к беспорядочному, смертельно жуткому, зловещему, ужасному и странному (*zum Ungeordneten, Makabren, Grausigen und Sonderbaren*) [23, S. 45]. Активно разрабатывало эту категорию и натуралистическое направление, но экспрессионизм сделал многое для того, чтобы придать ей новое измерение (*erneute Ausdehnung*) [27, S. 303]. В наши дни проявление эстетической и эмоциональной категории *отвратительного* в поэзии встречается с большим пониманием. Один из примеров тому – популярная современная австрийская группа *L'Âme Immortelle*, тяготеющая в своей музыке к готике, которая исполняет песню на упомянутое нами стихотворение «Die tote Kirche».

В образах и видениях Тракла и Юнга эстетическая категория *das Hässliche (отвратительное)* явлена особенно ярко. За внешней антиклерикальностью скрыта непростая работа духа в поисках своего Бога. Вместе с тем, мы видим, что образный мир Юнга в значительной степени родственен экспрессионистскому видению мира, а Юнг – практически ровесник поэтов-экспрессионистов. Становление их мировоззрений пришлось на эпоху «сумерек человечества», которая напрямую отразилась не только на творчестве экспрессионистов, но и на научных изысканиях Юнга.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Георг Тракл: «Poète maudit» на австрийский манер // Вопросы литературы. 1999. № 5. С. 196-212.
2. Арнольд А. Литература (Проза и поэзия) // Энциклопедия экспрессионизма: Живопись и графика. Скульптура. Архитектура. Литература. Драматургия. Театр. Кино. Музыка. М.: Республика, 2003. С. 181-222.
3. Базиль О. Георг Тракл. Челябинск: Урал LTD, 2000. 393 с.
4. Гайар К. Карл Густав Юнг. М.: Астрель; АСТ, 2004. 160 с.
5. Гугнин А. Кубин Альфред // Энциклопедический словарь экспрессионизма. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 302-305.
6. Деррида Ж. Geschlecht II: Рука Хайдеггера // Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М.: Территория будущего, 2006. С. 263-315.
7. Калашникова Л. В. Метафора – средство познания мира и виртуализации действительности // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2007. № 3. Ч. I. С. 99-101.
8. Макарова О. С. Метафора в концептологии Ф. Ницше // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42). Ч. III. С. 111-113.
9. Пестова Н. В. Случайный гость из готики: русский, австрийский и немецкий экспрессионизм. Екатеринбург: УГПУ, 2009. 297 с.
10. Седельник В. Пульфер Макс // Энциклопедический словарь экспрессионизма. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 466-467.
11. Толмачёв В. М. Экспрессионизм: конец фаустовского человека // Энциклопедия экспрессионизма: Живопись и графика. Скульптура. Архитектура. Литература. Драматургия. Театр. Кино. Музыка. М.: Республика, 2003. С. 389-401.
12. Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев: AirLand, 1994. 405 с.
13. Anz Th. Grauenhaftes Spiel mit Religionen: Zu Georg Trakls Gedicht «Die tote Kirche» [Электронный ресурс]. URL: http://www.literaturkritik.de/public/rezension.php?rez_id=19968 (дата обращения: 14.05.2015).
14. Conterno Ch. Die andere Tradition: Psalm-Gedichte im 20. Jahrhundert. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014. 354 S.
15. Dehmel R. Erlösungen. Stuttgart: Göschen, 1891. VIII+210 S.
16. Deutsche Balladen / Hrsg. von Hartmut Laufhütte. Stuttgart: Reclam, 1995. 647 S.
17. Eykman Ch. Die Funktion des Hässlichen in der Lyrik Georg Heyms, Georg Trakls, und Gottfried Benns. Zur Krise der Wirklichkeitserfahrung im deutschen Expressionismus. Bonn: Bouvier, 1965. 306 S.
18. Gryphius A. Gesamtausgabe der deutschsprachigen Werke. Tübingen: Niemeyer, 1963. Bd. 1: Oden und Epigramme. XIX+244 S.
19. Heidegger M. Georg Trakl. Eine Erörterung seines Gedichtes // Unterwegs zur Sprache. Frankfurt a. M.: Neske Verlag, 1985. S. 31-78.
20. Jung C. G. Die Psychologie der unbewußten Prozesse: ein Ueberblick über die moderne Theorie und Methode der analytischen Psychologie. Zürich: Rascher, 1917. 135 S.
21. Jung C. G. Zur Psychologie und Pathologie sogenannter occulter Phänomene: Diss. Univ. Zürich. Leipzig: Mutze, 1902. 121 S.
22. Lasker-Schüler E. Georg Trakl // Lasker-Schüler E. Sämtliche Gedichte. Frankfurt a. M.: Jüdischer Verlag im Suhrkamp Verlag, 2004. S. 280-281.
23. Praz M. Liebe, Tod und Teufel: die schwarze Romantik. München: Hanser, 1963. 464 S.
24. Sachs H. Dichtungen. Erster Theil: Geistliche und weltliche Lieder. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1870. L+322 S.
25. Trakl G. Dichtungen und Briefe. Salzburg: Müller, 1969. B. I: Gedichte, Sebastian im Traum, Veröffentlichungen im Brenner 1914/15, sonstige Veröffentlichungen zu Lebzeiten, Nachlaß, Briefe. 585 S.
26. Trakl G. Gedichte. Leipzig: Kurt Wolff Verlag, 1913. 69 S.
27. Walzel O. Deutsche Dichtung von Gottsched bis zur Gegenwart. Potsdam: Athenaion, 1930. Bd. II. Von der Nachklassik bis zur Gegenwart. 394 S.

THE AESTHETIC CATEGORY “DAS HÄSSLICHE”
IN THE VISIONS OF C. G. JUNG AND EXPRESSIONISTIC IMAGES

Krasheninnikov Andrei Evgen'evich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
North-Eastern State University
kroschke@yandex.ru

In the article one of the spiritual experiences of C. G. Jung is compared with the similar poetic images discovered in the creativity of the poet of expressionist school G. Trakl. The author concludes that their superficial anticlericalism conceals the God-seeking orientation. The comparative analysis is based on the aesthetic category “*das Hässliche*” (ugly) which was developed in German literature by the German dark romanticism and acquires new features in the expressionistic poetics.

Key words and phrases: C. G. Jung; G. Trakl; poetics; expressionism; aesthetic category; romanticism.

УДК 811.161.1'38

Филологические науки

В статье предложена типология русского эпистолярного поливокатива как лингвистической фигуры, включающей в себя несколько обращений к адресату в тексте одного к нему письма. Выделены и описаны три основных типа этой фигуры: рамочный, рассеянный и комбинированный поливокативы, показаны их структурные и функциональные особенности. Рамочный поливокатив квалифицируется в качестве этикетной составляющей письменного общения, рассеянный и комбинированный типы поливокатива обозначены как специфические средства и способы поддержания контакта между коммуникантами, связанные с объемом письма, его прагматической установкой и эмоциональным состоянием адресанта.

Ключевые слова и фразы: обращение; вокатив; эпистолярный поливокатив; рамочный, рассеянный и комбинированный поливокативы; этикет; контакт.

Куварова Елена Константиновна, к. филол. н., доцент
Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, Украина
elkuvarova@gmail.com

КОНСТРУКТИВНЫЕ ТИПЫ РУССКОГО ЭПИСТОЛЯРНОГО ПОЛИВОКАТИВА[©]

Эпистолярные тексты как средство письменного межличностного общения людей характеризуются тематическим разнообразием, возможностью передавать практически ничем не ограниченное содержание и при этом определённой структурной организацией, канонизированной сложившимся в процессе коммуникации узусом. В качестве основных конструктивных параметров письма, определяющих его жанровую природу, обычно называют место и дату написания, обращение, формулы прощания, подпись ([7, с. 6; 12, с. 17-19; 14, с. 116] и др.). Самым же существенным жанрообразующим конструктивным параметром письма является указание адресата в форме прямого обращения, метатекстовой или опосредованной адресации. Все эти способы указания адресата в письме, устанавливающие контакт между участниками эпистолярной коммуникации, мы объединяем термином *эпистолярный вокатив*.

Автор письма обращается к своему адресату, как правило, в начале письма и только один раз, чего вполне достаточно для реализации контактоустанавливающей функции вокатива, даже если вокатив переносится в середину или в самый конец послания. Такое одноразовое обращение в письме можно назвать **моновокативом** независимо от его структуры, которая может оказаться и довольно сложной, как это имеет, например, место в письмах К. Г. Паустовского (*Алешенька, маленький-маленький милый мой мальчик* или *Дорогая Алла, дорогая «обыкновенная девчонка из маленького городка Спас-Клепики»* [10, с. 317, 416]) и других авторов. Главное здесь то, что адресат назван только один раз. Однако во многих письмах разных адресантов обращение в пределах одного послания фигурирует в силу тех или иных причин более одного раза, как, например, в следующем письме И. Э. Бабеля своей жене:

Получил, милый трибун, спешное письмо, очень меня обрадовавшее. Живу здесь хорошо, купаюсь и греюсь под солнцем, которое тебе, озябшая моя московская душа, не часто снится. Все было бы хорошо, если бы мне не приходилось возить по всем городам глупые мои нервы, не умеющие работать и не умеющие спать. Их обучаю этим ремеслам, но со средним успехом. Деньги переведу тебе телеграфно не позже второго июня. Думаю, что это не будет слишком поздно. Живи хорошо, человек затем и родился на божий свет.

*Любящий тебя, душенька моя
И. Б. [1, с. 90].*